

18+

Александр Дари
Деревенские зарисовки

Сборник рассказов



Александр Дари

**Деревенские зарисовки.
Сборник рассказов**

«Издательские решения»

Дари А.

Деревенские зарисовки. Сборник рассказов / А. Дари —
«Издательские решения»,

«Деревенские зарисовки» — лирический рассказ, который очаровывает детальными описаниями деревенской жизни, контрастом между городом и деревней и эмоциональной историей знакомства героя.

Автор передаёт атмосферу через звуки, запахи и визуальные образы.

«На Большой Никитской» — рассказ, который очаровывает атмосферой и глубиной. Выразительный язык, метафоры и смена ритма повествования создают многогранную картину, которая заставляет задуматься о неумолимом течении жизни и силе воспоминаний.

© Дари А.

© Издательские решения

Содержание

Деревенские зарисовки	6
1	6
2	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Деревенские зарисовки

Сборник рассказов

Александр Дари

Иллюстратор Александр Дари

© Александр Дари, 2026

© Александр Дари, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-2951-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деревенские зарисовки

1

Слышите, как чудно скрипят уключины весельной лодки? А какая веселая музыка льется у оси колеса нагруженной сеном телеги? Впрочем, едва ли вы, любезный читатель, сидели на телеге, запряженной лошадью, но если когда-нибудь брали вёсельную лодку и выплывали в тишину речного простора — то обязательно поймете меня.

Звук уключин незабываем. Где бы я ни оказался, куда бы ни занесла меня судьба фоторепортера, он всегда остаётся со мной как самое сокровенное, что каждый человек носит в своём сердце. Ведь есть же в нас сокровенное! — то, о чём мы не расскажем первому встречному, а, быть может, поделимся только с самыми близкими людьми.

Часто я сравниваю звуки в метро с тем далеким, но родным, скрипучим голосом уключин. Скрипы вагона гулкого поезда высвобождают из памяти давние воспоминания, ставшие для меня отрадой в шумном мегаполисе, отлитого из бетона и камня, где сама мысль о природе, о речных просторах кажется неуместной. Такого рода воспоминания приходят в голову благодаря какому-нибудь неожиданному совпадению или случаю, и тогда хочется закрыть глаза, расслабиться, откинувшись дома в удобном кресле или прислониться в вагоне метро к его прохладным дверям и представить себя далеко-далеко: там, где было так удивительно хорошо и добро на душе. И все-таки скрипы вагона лишь отчасти напоминают те чудные, почти осязаемые душой звуки, которые так привычно рождаются у борта весельной лодки и затем разносятся над зеленоватой гладью речного простора. Было в этом просторе нечто такое, что рождает светлые чувства, что-то такое, что постоянно ускользает и теряется в суете города. Для кого-то это диковинка, необычная деталь, а для меня отрада, мой рай; и все, о чем я мечтаю, о чем думаю — снова вернуться в него, снова обрести себя в нём.

Там — рядом с берегом, где качаются в чистой реке высокие камыши, а в стороне под корягами глубокая яма и у дна стоит щука, плывет деревянная лодка — длинная, с вытянутым носом и просмоленным днищем. На веслах видны глубокие трещины, и они же спутанными нитями бегут вдоль её бортов. С каждым взмахом весла, с плавным движением его над поверхностью реки, когда с лопасти струится и капает вода, а уключина издает характерный звук, — в этот момент происходит удивительное! Ты постепенно погружаешься в музыку речного простора. Поток умиротворения нисходит и охватывает тебя, а влекомая им душа ощущает возвышенную безмятежность, нирвану, медленное погружение в океан спокойствия и величия Богом созданных речных берегов, косматых и темных, словно борода великана. Густо поросли берега вековыми елями. Вот он рай земной, что притягивает к себе, зовет и манит, заставляет вернуться.

На одном из берегов с засеянной пшеницей полем — мой идол, мой бог — моя деревня. Сейчас далекая, убогая, но все такая же памятная. Туда я приехал молодым амбициозным фотографом за фактурой, за панорамными снимками. В мои планы входило создание авторского альбома для выставки. «Деревенские зарисовки» — так стал называться он после моего возвращения в город, а пока мне нужен был типаж, классический типаж глубинки России. И я в полной мере получил его в одной деревне за Уралом.

У меня на шее висел мой верный друг — прекрасный фотоаппарат со сменными объективами. В то время еще пленочный. Что за чудо — фотографии получались благодаря его линзам! Вот откуда на снимках появлялась эмоционально подчеркнутая резкость, дополнявшая внутренние переживания людей. Даже предметы — будь то приоткрытая в полутенях калитка

или распахнутые резные ставни — отражались на фото живым образом, словно были символом дыхания, словно обрели одушевлённость.

Разместился я в доме Николая Матвеевича и хорошо помню, как в первый день своего приезда вдоль покосившегося забора старушка вела корову. Старушка поравнялась со мной; на шее у коровы висел колокольчик. «Дзынь-динь», — лениво звякнул он. Я невольно перевёл взгляд на животное. «Что смотришь? — словно спрашивал меня грустный коровий взгляд. — Видишь, так мы живём». Я осмотрелся вокруг, и тут меня зацепило. Сбоку косо нависал забор, прямо — пятнистая корова и женщина в белом платке, мужских сапогах и заношенном платье. А потом — и совсем близко — усталое, но улыбающееся лицо в морщинах, добрые глаза женщины, в которых светились тихая, почти материнская нежность и привычная усталость, придававшая лицу особую глубину, и тёмные доверчивые глаза животного — вместе оба взгляда слились в двойной портрет. Позади них, на заднем плане, резким контрастным фоном вырисовывалась ржавая сельская техника; сквозь остатки крыш, разрушенных стен коровника просвечивало небо. Вот он, натурализм, сельские реалии, начало будущего фотоальбома. Я навел камеру: щелк — кадр, щелк — еще один, другой, третий. Чем больше снимков — тем лучше, будет из чего выбирать.

Корова медленно прошла мимо, помахивая хвостом, отгоняя назойливых мух. Позади снова послышалось, но уже тихо: «дзынь-динь» — и с этим удаляющимся звуком исчезал бывший, когда-то привычный деревенский мир. На его смену пришел совершенно другой, уродливый и неказистый. Стоило пройти немного дальше, как за огородами с высокой травой появились непривычного вида домишки. В солнечном блеске листья глазницы выбитых окон бревенчатых стен неприглядно темнели. Некоторые стены домов наклонились. Будто слепцы, согнувшиеся под тяжёлой поклажей, стояли в высокой траве покинутые дома. На месте травы в человеческий рост цвел когда-то ухоженный сад.

Много народу покинуло эти места, и скольким еще предстоит уехать! Некогда шумная деревушка превратилась в тихую старческую обитель. Деревня доживает свой век. В ней остались лишь те, кому некуда податься, кто не в силах покинуть родное место и продолжает мириться с судьбой. Родное и убогое это место, пропасть разделяет его и город.

Тут в деревне, почти на краю цивилизации, стоит позабытая ржавая техника, ветхие постройки местами приобрели цвет праха, кругом запустение, бедность, а в городах люди давно привыкли к смене иномарки, к гипермаркетам «Ашан», «Икея», «Мега», в которых создана видимость изобилия, к бутикам высокой моды, как одежды, так и обстановки, будто все это естественно и всем доступно. В витринах столичного ЦУМа стоят вечно молодые манекены: одни в дорогих костюмах у камина, другие расположились в позолоченных креслах рядом с дорогими винами, бутылкой шампанского, охлаждаемой в серебряном ведёрке для льда, с заботливо расставленными свечами, раскрытыми книгами для чтения — всё это лишь подчёркивает искусственность и недоступность для простых работяг высокого стиля жизни.

Для кого показан этот уровень жизни — для Николая Матвеевича, для тех, кто обрабатывает землю? Что для людей и что для манекенов. Сегодня говорят о возвращении старинных русских традиций, оформляя ЦУМ на Петровке как во времена «Мюр и Мерилиз» начала XX века. Современное общество потребления хочет жить красиво, быть красиво одето, есть здоровую, полезную еду, но не думает откуда берется эта здоровая еда, как будет жить следующее поколение. Оно строит коттедж за городом, называя его «родовое гнездо», не вдаваясь в сущность названия, путая понятия, считая это решением семейной проблемы. Но проблема шире, масштабнее, чем можно себе представить.

Чуть вдалеке, за полем, радостно шумит лес — он еще остался тем достоянием, что с душой и самобытностью живущих тут людей я называю Россией. Не будет этой деревни, этих людей, вырубят заказник, зарастет поле, увянут сады и не станет привычной России. Пустеют

дома и эти пустующие дома не сравнить с той пустотой, что образовалась внутри меня. Горько видеть, как некогда цветущий и плодородный край превращается в унылую тень бывшего изобилия.

Но тут я и часть картин прекрасного края сохранятся на моих фотографиях. Это то небольшое, что я могу сделать, немного больше, чем просто память человека. Мои фотографии смогут увидеть люди.

Много лет прошло с тех пор, как я впервые взял в руки фотоаппарат, научился делать снимки, а я всё ещё помню те мгновения. И сейчас вижу картину из детства: наполненная свежим молоком банка стоит прикрытой марлей на столе, вижу солнечный подоконник и жужжащих мушек у оконного стекла. Вкус парного молока какой-то особенный, теперь уже далекий — не вспомнить. Давно это было. В другой жизни, в другой стране. Хотелось бы вернуться в то время и прожить хотя бы день из той жизни, — лучший день, когда за окном все играло, двигалось, жило. Громыхал за окном трактор, от которого всегда, даже когда он стоял в стороне, пахло соляркой; кружились, сновали на пасеке пчелы; белая буханка хлеба с пористой мякотью, на которой растекается солнечный мед, поджаристой корочкой хрустела во рту, и масло медленно таяло на рассыпчатой горячей картошке с вьющимся паром над ней. Жарились на сковородке лисички, а внизу в ведре лежали только что собранные опята со скользкими шляпками. Мы с ребятами свободно бродим по дворам и забегаем друг к другу в гости. Сколько солнечного света струилось в те времена и попадало в объектив! Кажется, что в жизни и осталось всего только доброго и бескорыстного — этот дневной солнечный свет. Не ощутить его в городе так живо, так волшебю, как на природе, в деревне!

2

В деревне темнело медленно. Синей тушью заливалось небо, на нем ярко и крупно зажигались звезды. Под настроение сами собой рождались короткие строчки:

«Дремлют пашни, дремлют сосны, чуть колышутся луга.
Вдалеке над спящей степью одинокая луна...»

Мне нравилось быть одному, за целый день я уставал от разговоров. Николай Матвеевич — сухой высокий старик с запавшими глазами, становился невыносим, когда начинал прикладываться к бутылке. Казалось, он мог говорить часами, и поскольку я был рядом, я узнал все подробности его жизни и его семьи. Мне было искренне жаль старика и его семью, но что я мог для них сделать. Семья Николая Матвеевича была неполной. Его жена — старуха, которую я видел в день приезда и немолодая дочь с грудным младенцем. Отец младенца спился и недавно умер. Вечерами Матвеевич сетовал на безденежье и безнадежность. Рассказывал, как под видом вымышленной «санитарной обработки» вырубали лес и продавали его в обход закона.

— Засуха или грибок — вот и весь предлог для рубки леса, — говорил он.

С его слов я понял, что под предлогом «санитарной» рубки лесозаготовители вместо валежника и сухостоя вырубали сосновые леса — и прекрасный зеленый бор шел на продажу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.